

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ
КОФЕЙНЯ

*Сенсация года: хит продаж
среди электронных книг!*

Вячеслав Прах

Кофейня (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22559768

Прах, Вячеслав. Кофейня : [повесть, рассказы]: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-100535-1

Аннотация

Как рассказать незнакомому, но до боли родному человеку, насколько сложно найти в себе силы полюбить? Рассказать, как вообще ты до сих пор живешь на этом свете?

Мужчина и женщина каждый день встречаются за соседними столиками в одной и той же кофейне. Он замечает незнакомку, грустящую с томиком сонетов Шекспира. Одалживает девушке свою книгу, открыв которую она уже не может остановиться. Загадочная книга становится сюрпризом и для читателя...

Содержание

Кофейня	5
День первый	33
День второй	36
День третий	40
День четвертый	45
Спустя несколько дней	57
Вечер того же дня	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вячеслав Прах

Кофейня (сборник)

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© В. Прах, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Кофейня

*Скажите мне, чем должно пахнуть в кофейне?
– Наверное, чем угодно, но только не кофе...*

...Грусть. То место, в котором можно найти себя среди музыки. Искать то, чего нет, среди пустых стульев. Или обжигать пальцы об сигареты, пеплом размывая страницы, в которых автор нашел тебя.

– Позвольте...

– Да, присаживайтесь, – не отводя глаз от книги, ответила она.

Шекспир, «Сонеты о любви». Красивая обложка. Громкое имя и... разбитое сердце женщины, дополняющие друг друга. Так могло показаться на первый взгляд.

В тоске не гаснет жар мятежный,
Горит за сенью гробовой,
И к мертвой пламень безнадежный
Святее, чем любовь к живой...

– Удивительно. Так точно и с чувством... Шекспир.

Такого ответа он больше всего ожидал, но меньше всего хотел услышать.

– Нет. Это Байрон, – с каким-то волнением, но без всякого удивления произнес он.

Она склонила голову и, подкурив новую сигарету, продолжила увлеченно изучать страницы. Будто его и не было вообще.

– Уходите.

– Вы кого-то ждете. Кого-то, кто с опозданием на два месяца и шестьдесят две чашки выпитого кофе так и не соизволил опоздать.

Она подняла голову и посмотрела на него так, будто он прочитал ее мысли. Загадочный взгляд, хоть и весьма предсказуемый.

– С чего вы это взяли? – в недоумении спросила она.

– Когда вы приходите и открываете книгу, вы кладете левую руку так, чтобы хорошо было видно время. Если приглядеться, то можно заметить, что смотрите вы вовсе не в книгу, а на свои часы. Создаете иллюзию отдыха, в то же время ограждаете себя от таких, как я.

– Но как... Как вы могли за мной наблюдать, если сидели все время спиной ко мне?

– Здесь нет ничего странного. С вашего столика, если смотреть в окно, видна улица. С моего – ваш столик. И получилось, что мы оба смотрели в окно. Вы – на прохожих, а я – на вас.

– Кого ждете вы? – с явным интересом спросила она.

Глаза цвета кофе. Губы оттенка розы. И музыка... Такая же безвкусная, как и их латте.

– Не смотрите на меня так, – делая глоток кофе, отвела взгляд она.

Куда она смотрела? На прохожих. Нет, скорее, мимо них. На серые тротуары, или вошла в тон не менее серой суеты. Этот взгляд был ему знаком. Она во всем видела человека, но никак не могла его найти.

– Как мне на вас не смотреть? – устало спросил он.

– Так, будто все обо мне знаете, – ответила она, по-прежнему глядя в окно.

Была ли она замужем? Была. Он это понял по ее рукам. Кольца на пальце не было, но его след она продолжала неосознанно гладить. Временный след... Это было видно по глазам, по ее походке и даже по тому, как она держит сигарету. Это мужчине скрыть свой брак – как окурочек выбросить. У женщин с этим сложнее.

– Как я выгляжу? – после длительной паузы она перевела взгляд в его сторону. Затем посмотрела на часы и, не дожидаясь ответа, добавила: – Мне пора.

Его не смутил ее внезапный уход, как и то, что ответа на вопрос не прозвучало. Напротив, он и не думал на него отвечать, и не стал провожать ее взглядом. Спустя время его

внимание привлек еще один посетитель этой кофейни. Вредный, толстый мужчина лет сорока пяти. Скажем так, манеры этого типа были куда дешевле его костюма. Как и всегда, он заказал кофе по-ирландски и попросил дать ему меню. Это уже было его привычкой: пить крепкий кофе с дешевым виски, а глядя в меню – недовольно бурчать. Но проблема была в другом.

«Когда тебе было холодно, я надевал на тебя свой свитер, и мне становилось теплее. Когда тебе было больно, я сжимал зубы и шептал в гневе о себе. Я знал вкус твоих слез, бесконечно целуя мокрое лицо. А ты даже не знала, во сколько я завтра чужой. Я молился о тебе по средам, когда ты заводила будильник на восемь. А в четверг я тебя ненавидел. Без пятнадцати девять...»

Он закрыл книгу и положил ее возле себя. Встав с кровати, стал искать спрятанную пачку сигарет. Два года и четыре месяца он сжимал эту пачку в руках, не открывая ее. Два года борьбы с собой. Его манил этот дым. Глубокая тяга. Секундное облегчение. А с выдохом уходило все то, что наболело. Достав сигарету, он стоял минуты две, все крепче сжимая ее в зубах. После чего взял и смял ее в кулаке, рассыпая по полу. Этой ночью он уснул победителем, чтобы утром вновь объявить себе войну.

Холодный душ. Крепкий чай без сахара. В семь утра этот город просыпался и ненавидел все вокруг. Люди вставали и

заканчивали день двумя постоянными мыслями: как мне выспаться и какая жизнь дерьмо. Он каждый день поднимался в это время, выходил на балкон и смотрел на них, хмурых, полусонных. Людей без яркости. Размытых. Они спешили на работу, которую ненавидели чуть меньше своего босса. Зарабатывали деньги, чтобы тратить их на то, что им не по карману. И все время стремились к роскоши, не имея даже свободы.

Допивая свой чай, он заходил обратно в квартиру, оставляя за стеклом недовольные лица, во всем винившие жизнь. Переводил будильник на двенадцать и, натягивая на себя теплое одеяло, еще больше влюблялся в утро.

* * *

Когда Роза открыла дверь кофейни, на часах уже было четыре. Он, как обычно, сидел спиной к ней за соседним столиком и думал о чем-то своем. Не узнать ее шаги было сложно. Ему каждый день, на протяжении двух месяцев, приходилось их слышать. В этих шагах не было ничего особенного, но спутать их с другими он не мог. Подойдя к своему столику, она заметила книгу и закладку на одной из страниц. Он не видел, но каждой клеткой спины чувствовал, как она смотрит то на книгу, то на него. И в какой-то момент ему показалось, что она задержала на нем свой взгляд. Нет, не показалось. Он был в этом уверен.

Мысли тонули в чашке ее латте. Она водила ложкой по дну, будто размешивала вкус горьких букв. Шелест страниц. Глубокие затяжки дымом. Ее тонкие пальцы обжигала сигарета, что дотлевала в ее руке. Она была увлечена.

Дождь стучал в окно и навевал прохладный порыв грусти. Воспоминаний. Нелепых улыбок длиною в секунды, затем глухих ударов в груди, от которых порой можно было задохнуться. В такие минуты, наедине с дождем, ты готов верно ждать солнца. А с его приходом – и дальше тонуть в своих лужах. А может, дело не в погоде? Слабость времени – настоящее. Сегодня ты живешь вчера. А завтра снова... Незаметно. Быстротечно. И все проходит, кроме прошлого. Ему позволено быть вечным...

Он даже не заметил, как Роза подошла и встала у него за спиной. Неудивительно: он был слишком погружен в свою бездну. Так бывает, когда твой корабль разбился, а ты, глядя в сторону берега, решаешь для себя тонуть. И неважно, что до суши рукой подать. Тебе не страшно: идешь на дно вместе с обломками. Но разве считаешь, что топишь себя сам? Конечно, нет. Во всем виноват шторм.

* * *

– Слишком много вопросов, когда не о чем спросить, – нарушил молчание он.

Роза прикрывала ладонью рот, чтобы он не услышал, как

трудно ей стало дышать.

– Присядьте, – попросил он ее, отодвинув свободный стул.

Выложив пачку своих сигарет, она крепко сжала книгу и посмотрела на него пустыми глазами.

– Меня зовут Лау...

– Вас зовут Роза, – оборвал ее он, отводя взгляд в сторону окна.

Проигнорировав его слова, она достала из пачки мужских крепких Lucky Strike сигарету и начала искать по карманам свою зажигалку. Не найдя ее там, она принялась обыскивать свое пальто. Но и в нем оказалось пусто.

– Вы курите? – спросила она у него в надежде на очередную порцию дыма.

Он улыбнулся и, достав из кармана пачку своих сигарет, посмотрел на нее и положил обратно в карман.

– Нет, Роза, я не курю, – спокойно ответил он.

Взгляд. Этот взгляд. Она посмотрела на него, как на сумасшедшего, и встала из-за столика, надевая пальто. Но не успела она сделать и шага, как он крепко взял ее за руку и тихо попросил: «Оставь книгу».

Она смотрела ему в глаза, как январь бы смотрел на июль. Холодный, стеклянный взгляд. Но и он отводить глаз не думал: вглядываясь, он увидел нечто большее, чем просто лед. Он был уверен: еще от силы секунд семь – и этот лед начнет таять...

– Я оставляю ее себе, – спокойно и твердо, как показалось

ей, сказала она.

Роза присела и, взяв в губы сигарету, открыла страницу, на которой закончила свое путешествие. Он, достав из внутреннего кармана своего пиджака зажигалку, наклонился к ней, чтобы дать ей прикурить, но она решила отказаться, отведя голову в сторону. Положив на стол зажигалку, он следил за ее пальцами. Зачем?..

«Я не любил шумных компаний, да и сейчас, в общем-то, не люблю. Пустые разговоры. Смех непонятно от чего: то ли анекдот оказался удачным, то ли неудачник решил спрятать себя за смехом. Ох, какая удача... Фальшь. Люди прячут себя за таким жирным куском лжи, оставляя правду себе на диету. Они давятся сплетнями и прячутся за спинами, а когда дело касается их, только тогда они начинают убавлять громкость.

Ты меня понимаешь и понимала каждую секунду, когда я не понимал себя. Вспомни тот вечер, когда ты решила познакомить меня со своими друзьями. Вспомнила? Я держал руки за спиной не потому, что хотел произвести впечатление солидного мужчины с ровной осанкой и гордо поднятой головой. Нет, не потому. Я просто не хотел быть к ним ближе. Пожать руку. Пустяк? О, нет, дорогая, это расстояние. В котором я предпочел быть самым отдаленным.

Я смотрел им в глаза и видел их насквозь. Думаешь, я их слушал? Нет, я вслушивался в отдельные слова. Наблюдал за движениями и, самое главное, – за тем, как они относи-

лись к тебе. Как пытались произвести на меня впечатление и вызвать уважение к себе. А я просто наблюдал. И когда той картины, что я срисовал с них, мне хватило – я встал и ушел. Не попрощавшись. Да я, собственно, и не здоровался с ними. А вот тебя я тогда покинул. В тот вечер, седьмого июля, в наглаженных черных брюках и мятой серой рубашке, я...»

– Пьеро, – перебив ее увлеченные глаза и сердце, произнес собеседник.

Она не сумела сразу выйти из мира, в который так глубоко погрузилась сейчас, и потому сказанное им встревожило ее и показалось совсем неясным.

– Что, простите? – не поняв его, с удивлением спросила она.

Она находилась на своей волне, в своей душе и ясном сознании. Ее увлекла эта книга, и все испортил он, сидящий напротив мужчина.

– Автор этого произведения – Пьеро. Я перечитал эту книгу девять раз за два года и, как я вижу, не только я нашел себя в ней, – спокойно и слегка огорченно ответил он на ее вопрос.

– Я никогда не слышала о нем. Пьеро...

Возможно, она задала себе вопрос: а нужно ли было мне о нем слышать? Ведь главное, что строки этого писателя поразили ее до глубины души. По всему ее виду было понятно, что продолжать диалог ей казалось неуместным, но она все-таки спросила:

– А где можно купить эту книгу?

– Нигде. Я обыскал много книжных лавок, после того как она попала мне в руки. Ни в одной ее не было, и никто о ней не слышал, – тихо ответил он.

– Не понимаю. А как тогда она попала к вам? – спросила она, сопровождая слова любопытным взглядом.

Он сделал вид, что не расслышал ее вопроса. На самом деле ответить ему было нечего, она бы всё равно не поверила, что он нашел ее в мусорном баке, среди вонючих помоев и презервативов. Среди разбитого бутылочного стекла под ногами и собачьего дерьма, в которое он тогда наступил...

Книги выбрасывают. А взамен покупают кучу фильмов и музыки, что считается популярной в данное время. Смотрят, слушают, а затем забывают, когда наступает новая волна моды. Музыка, секс, фильмы, алкоголь. Разврат. Ах да, я ведь совсем забыл... Любовь! Они выбрасывают книги, на чтение которых у них нет времени, а потом сами же бросаются из окон от такой жизни... В которой они живут и так уверены, что будут жить вечно.

* * *

«...Боже, как я тебя ревновал, только одному Ему известно, насколько сильно! Я никогда не показывал это, тая злобу в себе, а когда накапливалось до самого «не могу», я срывался на мелочах. Любой пустяк служил громоотводом. Днями

я молчал, когда ты сидела рядом и обнимала меня, а ночью кричал, когда ты засыпала. Так громко, что никто не слышал, как я винил себя во всем. Ты же меня лечила, а я себя губил. Боялся тебя потерять на минуту, на секунду и все то время, которого мне так не хватало. Я молчал, считая это постыдным. А чего я стыдился? Своих чувств к тебе или боли, которую причинял себе? Все это время я стыдился себя. Ведь ты такая вся нежная. И перед сном, и поутру. Даже в моей грубости ты оставляла свою нежность.

Вечерами, когда мы с тобой занимались любовью, это был не секс. Я весь в тебе, и до конца, запах волос, шеи, груди. А когда ты сжимала мои ноги своими, я еще больше хотел, чтобы тебе было приятно. До конца... Во вздохах и запахах. В поцелуях и в кусании губ. Я был в тебе и чувствовал, что во мне ты еще больше. Это был не секс. Теперь я это понимаю...»

Закрыв книгу, Роза посмотрела на мужчину, который все это время не отводил от нее глаз. От этого взгляда она почувствовала себя некомфортно.

– Роза, эту книгу я вам не отдам, – спокойно и настойчиво сказал он. Затем добавил: – Но у меня есть предложение!

Она уже смирилась с тем, что он называл ее Розой, а вот к его присутствию привыкнуть не могла. Никак.

– Какое предложение? Руки и сердца? – с насмешкой спросила она.

Он добродушно улыбнулся, посмотрев ей в глаза, но через пару секунд лицо его стало серьезным, а взгляд грубым. От этого ей стало не по себе. Мурашки по коже. Учащенное сердцебиение. Явное волнение Розы расцвело перед ним во всей красе.

– В твоей чашке кофе большая доза одиночества. Ты пряталась за своими сонетами, даже не читая их. А теперь ты нашла дозу сильнее сигареты... В этой книге. Но поверь мне, она тебя спрячет лишь на время. А после – снова. Все сначала.

Он говорил твердо и уверенно, и это ее поразило. Впервые переступая границу «вы», она смогла показать себя настоящую. Какой она была на самом деле. Потекшая тушь, ослабленная бровь. Чистые глаза. Настолько чистые, что...

Он предложил ей свой платок, но она жестом показала, что не нужно: у нее есть. Вытирая капли с лица, она смывала фальшь и боль, что давила на нее, как ни один каблук в мире. Роза улыбнулась. Искренне. Так, что на душе у него стало тепло. Теплее, чем всегда. Он улыбнулся ей в ответ.

– Вот теперь ты по-настоящему прекрасна, Роза, – взяв ее за руку, сказал он.

Она не оттолкнула его, наоборот, ей стало приятно от его прикосновения. Она будто доверилась ему. Слепо, без всяких сомнений. Он гладил ее руку, а она наклонила к нему голову, чтобы положить на плечо.

Роза улыбалась, ей было легко и спокойно. Она не боялась

его ни секунды и прижималась все крепче. Ей становилось теплее и уютнее. Кто он? А впрочем... Неважно. Это сейчас не имеет никакого значения...

– Почему ты называешь меня Розой? – тихо, на ухо спросила она у него.

– Роза... Все любят смотреть, как она цветет. Расцветает. И все отворачиваются, когда вянет. Изображают сочувствие. Сожаление... Затем ее выбрасывают, – огорченно сказал он.

Слезы наворачивались на ее глаза, она хотела что-то сказать, но не смогла. Будто ком в горле. Ей было больно, и он эту боль почувствовал.

– Я не видел, как ты расцветала, Роза. Но каждый день, на протяжении двух месяцев, я смотрел, как ты вянешь...

* * *

Когда она вернулась домой, каблучки не послужили причиной обыденной, но терпимой боли. Каждый день, снимая их, она чувствовала облегчение. На минуту, семь или даже десять, а затем наступала вечность. В тишине. Пустоте пространства. Комнат. Она теряла себя в спальне. Сколько криков каждую ночь впитывала в себя подушка! А музыка звучала все громче. Ее музыка. Немая музыка глухого слушателя. Вот так она сходила с ума. Каждый вечер, каждую ночь. И только поутру ее недуг был излечим крепким кофе и сига-

ретой. Шумом за окном и стуками соседей. С первыми лучами солнца она прятала себя. За яркой тушью. Тоном помады скрывала свои губы, которым так не хватало...

И так продолжалось день за днем. Но только не сегодня...

Она лежала в теплой ванне и о чем-то мечтала. Ей становилось легче. От кончиков пальцев ног до самых глубин себя. Так легко и приятно. Возможно, она ощущала его присутствие или не могла отойти от нежности тех грубых рук, что гладили ее днем. Роза улыбалась. Смех? Нет, не в порыве очередного сумасшествия – она улыбалась с чистыми глазами, водя рукой по воде. Ее июль обнимал февраль. Она чувствовала себя нужной...

За три квартала первых звезд и прохладного ветра он сидел на балконе и смотрел на небо. Что он в нем видел? Наверное, что угодно, но только не звезды. Даже шум улиц и недовольные крики водителей не могли оградить его от той тишины, в которой он находился. Слепой тишины. Неувиденных глаз. Недослушанных слов. И только ветер своим сильным порывом привел его в чувство.

Он завел будильник, как обычно, ровно на семь утра, и потом усердно и отчаянно пытался уснуть.

Ночь намного сильнее обостряет одиночество. В темной комнате, наедине с собой и своими мыслями, ты в полной мере осознаешь свою ненужность. Когда тебя бросает в жар, ты считаешь себя брошенным, и больше всего тебе не хвата-

ет его – человека, что держал бы тебя сейчас за руку в этом мрачном доме... Тебе не хватает тепла, а одеяло не может согреть тебя так же, как музыка не может заменить тот голос, который ты хотел бы услышать. Слушать. Понимать, что ты не один в этом мире, в этой кровати, в этой пустой квартире. Лишь будильник так верно и вовремя будит, а как бы хотелось проспать...

Не сомкнув за ночь глаз, он услышал, как зазвенел будильник. Ровно семь утра.

Это утро было другим, не таким, как всегда. Достав спрятанную пачку сигарет, он вытянул из нее все двадцать штук и положил на кровать. Делая себе чай, в этот раз заварки он не пожалел: в кружке было чуть меньше половины заварки и столько же воды. Подкурив сигарету, он делал слишком глубокие затяжки, и без привычки, после перерыва в два года, они пьянили его не хуже коньяка. Затягивался снова и снова, запивая чаем. Докурив, он почувствовал, что перед глазами начало двоиться. Сильное головокружение, сухость во рту. Тошнота. Он потянулся к следующей сигарете, так, будто был вдребезги пьян. Выпустив дым и сделав очередной глоток, он уже ничего перед собой не видел. Свет... Кружка выскользнула из рук и разбилась об пол. Затем упал и он.

* * *

Роза никогда не опаздывала. Никогда. И на этот раз она

переступила порог кофейни в четыре. Всё как обычно – посетителей почти не было. Кроме постояльцев этого заведения, никто здесь не задерживался больше, чем на полчаса. Обычная кофейня, которых в этом городе полно, но вот людей она почему-то к себе не привлекала. Возможно, все дело в кофе? Хотя нет, кофе у них был неплохой. Наверное, дело в обстановке. Слишком она была мрачной и, я бы даже сказал, отталкивающей. Безвкусные темные стены, тихая депрессивная музыка. И, как бы странно это ни звучало, именно внутри, а не снаружи, – сплошной дождь.

Сняв пальто, она осмотрелась по сторонам. Его столик был пуст, впервые за эти два месяца он был пуст. Он не пришел. Тот, кто еще вчера гладил ее руки и снял с нее маску, которая день за днем вращалась в ее лицо, не пришел. Тот, кто не назвал своего имени, но назвал именем розы искалеченную душу, увиденную им еще с первых дней, опоздал на целую вечность. Она доверилась ему и так ждала этой встречи, чтобы сказать ему все то, что он тогда не услышал. Огорчение? Нет. Она была подавлена. В эту минуту, в этот час она нуждалась в нем больше, чем в себе. Как? Как он мог оставить ее, когда на его плече она оставила всю себя? От нежности ладоней, доверия и до горьких слез... «Зачем тогда все это было нужно?» – обреченно повторяла она мысленно...

Когда он пришел в себя, за окном уже было темно. С большим трудом он поднялся и включил свет. Разбитая кружка

под ногами – видимо, это осколком он зацепил руку. Так, небольшая царапина, о которой он сразу же забыл, посмотрев на часы. Без восьми минут три. Ночь. «Неужели я так пролежал почти сутки?» – с удивлением подумал он. Голова раскалывалась. Тошнота. Сильная тошнота. Такое ощущение, что выпил он полбара, а затем упал у самой кровати. Окурки под ногой, табачная вонь. Посмотрев на все это со стороны, он тихо, с отвращением процедил сквозь зубы: «Какой же ты слабак!» Ему было противно от самого себя, он сломался, как спичка, которой подкуривал не сигарету, а все свои беды.

Приняв душ, он набрал из-под крана воды и выпил стакан залпом. Самочувствие у него было неважное. Посмотрев в зеркало, он криво улыбнулся и сказал про себя: «Какой же ты красавец! Все женщины твои, стоит тебе только выйти на улицу!» Достав бритву, он побрился и похлопал себя по щекам. Резкий запах одеколона быстро приводил его в чувство. «Вот теперь лучше», – мысленно подбодрил он себя.

Он вышел на балкон. Приятная прохлада захватывала дух. Так тихо и спокойно – вот в таком мире он хотел бы жить. Без людей и шума, вечных криков и суеты. Жизнь будто остановилась в четыре утра. Это было неопишимо красиво. Вот бы остановить стрелки часов...

Лепестками по ветру...
Расцветай, Роза,
Расцветай.
Не потеряй себя в своем цвете,
но и цветом своим не погуби других.
Лепесток за лепестком...
Не изменяй себе в измене других.
Расцветай, Роза, расцветай.
К шедевр прикоснуться невозможно.
В него нужно нырять,
Со всей души и в самые глубины.
К шедевр прикоснуться невозможно.
В нем можно только утонуть...
Расцветай, Роза.
Расцветай...

...повторял он себе, глядя в ее глаза, как в книгу, которую перечитывал день за днем. Дословно. Наизусть... Что скрывали те веки? Дождь? Нет. Карие... И усталые, как солнце, что так отчаянно будит мир, который его же за это и ненавидит. Сонные... Темные мысли не оставляли ее в покое. Ни на минуту. Ни на шаг...

Он наблюдал за ней. В ее походке не было курса. Гордости.

Решительности... Не глядя под ноги, а впереди... Не увидев ничего. Обернуться? Ведь то, что было за спиной, сопровождало ее день за днем. На каждой улице и за каждым углом. Оно дышало ей в затылок, не в силах коснуться волос... Не в силах заставить ее посмотреть назад. И только на распутии она задала себе вопрос: «А стоит ли...?»

– Ты не пришел, – спокойно, но огорченно сказала она, отводя глаза в сторону.

Он хотел взять ее за руку, но она ему этого не позволила.

– Не смей ко мне больше прикасаться, – ответила она на его жест, глядя в стеклянные глаза, в которых увидела собственное отражение.

Зеркало... Первое, что пришло ей в голову, – зеркало. Она испугалась. Ее пальцы задрожали от волнения, и она незаметно, как ей показалось, попыталась спрятать свои руки, сложив их на коленях. Что это было? Взгляд... Будто она смотрела не в глаза человеку, а в зеркало, и испугалась собственного отражения.

– Кто ты? – спросила она после длительной паузы.

Он молчал, не отводя от нее глаз. Может, у него не было ответа, но, скорее, просто не было его... Рядом.

– Ты мне был нужен как никогда, черт бы тебя побрал! Раньше и дня не проходило, чтобы ты не появился здесь. Я даже имени твоего не знаю!

– Роза...

Он хотел что-то сказать, но, не найдя подходящих слов, плавно нагнулся к ней, обхватив рукой ее шею, а другой гладя ее лицо, и поцеловал.

Это было так неожиданно, и к этому она была совсем не готова, но и оттолкнуть его не смогла. Наоборот, Роза еще сильнее прижала его к себе и целовала так, как целуют только любимых – с закрытыми глазами и открытым сердцем.

– Я хочу еще, – не открывая глаз и прикусив верхнюю губу, прошептала она.

Он закурил, и раз за разом повторял про себя: «Дурак... Какой же я дурак! Что я делаю?» Ему было горько и стыдно смотреть на ее счастливое лицо. Улыбку. Как она расцветает на его глазах. Он понимал, что это неправильно, но ничего с собой поделать не мог. Он сломался. Еще тогда, в квартире, на холодном полу, среди вонючего сигаретного пепла и осколков разбитой кружки... Уже тогда он был сломан.

– Роза, мне нужно... – слегка растерянно начал он, но она его оборвала, открыв глаза.

– Ты и правда считаешь меня такой наивной? – Ему в слезах не приходилось видеть столько боли, сколько было в ее улыбке.

Она улыбалась, не отводя от него глаз и слегка наклонив голову, но взгляд ее был серьезным. Со стороны могло показаться, что она им увлечена и просто заигрывает.

– Ну, скажи это, я хочу услышать, – наигранно сказала

она.

– Ты не в моем вкусе.

– А может, я слишком хороша для тебя? – рассмеялась она.

– Одно другому не мешает, – с улыбкой поддержал ее он.

Она показала себя в другом цвете, возможно, сама того не желая. От грусти и следа не осталось. Тепло... Ее смех согревал его остывшие внутренности. От него исходило необычайное тепло. Такое чувство, будто на ладони таял лед.

– Знаешь, мой милый незнакомец... Я хочу, чтобы ты это знал. Ты – в моем вкусе. Но не настолько хорош для меня... Хотя целуешься великолепно.

После этих слов она встала и без лишних церемоний забрала книгу, которую он так упорно не хотел ей отдавать. Гордой походкой она направилась к выходу, но у самой двери остановилась и на мгновение застыла на месте. Затем обернулась и направилась к нему.

– До встре... – не успел договорить он, встав из-за столика, как она обхватила его шею руками и...

Короткий и неожиданный поцелуй длиною в секунду. Такого поворота он даже представить себе не мог.

– Вот теперь прощай! – кратко и гордо донеслось из-за ее удаляющейся спины.

Выслушать... Чтобы кто-то просто слушал тебя, не вникая, не подавая даже вида сочувствия. Этого больше всего не хватает людям. Они не понимают, что главное – вовремя выпустить наружу все то, что пламенем горит внутри. Сами они не могут отпустить или камнем выбросить все то, что осталось позади. Оно накапливается капля за каплей, каждый день и каждую ночь. И с каждым криком все громче, а с каждым ударом – сильнее.

Когда ближе врага нет друга, осознаешь, что никто не подаст тебе руку. Никто не вытащит тебя из ямы, которую осталось только засыпать землей. А вот на эту роль люди всегда найдутся... Дело вовсе не в них. Дело в тебе и только в тебе. Не ищи виновного: в каждой ложке правды есть песчинка лжи. И жизни порой не хватает, чтобы понять, что она есть такое и для чего была дана.

Выслушать... Просто выслушать. За стаканом дешевого коньяка, в компании немого незнакомца или под шум поезда, сидя на перроне... Возможно, тогда многие бы забыли слово «бессонница» и увидели, как прекрасен рассвет. И вспомнили, что живут, а не просыпаются, чтобы снова уснуть...

«...Меня всегда считали странным. Возможно, потому,

что я не следил за модой и не тонул в популярных песнях, как это делали миллионы. Моим хитом всегда было – знать, что сказать и кому это сказать, когда промолчать, для кого остаться немым, и, пожалуй, самым главным для меня было – вовремя уйти.

Красивые обертки и гниль в начинке – десерт современного общества. Но это было не по мне. Такие блюда не переваривались моим организмом, и порой приходилось выворачивать все наружу...

С каких только небес свалилось мне на голову такое счастье в тот июльский вечер у аллеи парка? Улыбаюсь. Как без улыбки вспомнить?.. Возможно, если бы не твой сломанный каблук, вряд ли я писал бы сейчас эти строки.

Когда я нес тебя на руках – дай угадаю! – ты подумала: «Он в меня влюбился». И, наверное, представляла себе, на кого больше будут похожи наши дети, и как я буду стоять с полными пакетами у очередного бутика, а после довольно, под руку, сопровождать тебя домой. Угадал? Смеюсь... Ведь наши с тобой мысли в тот момент оказались почти взаимными. Почти... «Где же это чертово такси?!» Я думал, как бы побыстрее донести тебя домой, пока мои руки окончательно не отвалились. «Слабак!» – усмехнулась ты. «Диета еще никому не вредила», – ответил я. С каких только небес ты тогда свалилась, дорогая? Явно не с тех, в которых ты была желанным гостем...»

Оставив закладку на одной из прочитанных страниц, Ро-

за не могла сдержатъ улыбки. Хорошее настроенiе... Бокал сухого вина и книга, что так запала ей въ душу. Что еще нужно для счастья въ этотъ прекрасный вечеръ? «Мужчина», — подумала она. Хотя нѣтъ, пожалуй, еще бокал вина.

То, что Роза не пришла, было предсказуемо, какъ и то, что она еще вернется. Зачемъ? Чтобы задать ему одинъ вопросъ или остаться, какъ и онъ, немымъ гостемъ этой кофейни. Другихъ вариантовъ быть не могло...

В этотъ день все его вниманiе было уделено еще одному постояльцу этого заведенiя. Скорее, даже не вниманiе, а восхищенiе. Парижъ — такъ онъ прозвалъ его для себя: настоящаго имени этого парня онъ не зналъ, да ему это было и не нужно. А восхищался онъ имъ не потому, что Парижъ приходилъ въ кофейню, чтобы заказать стаканъ воды безъ газа и оставить десять долларовъ на чай. Этотъ парень лѣтъ двадцати пяти носилъ одну и ту же одежду на протяжении всего сезона. Внешне онъ былъ простъ, какъ центъ, лежащiй на ладони, который можно рассмотреть и, понявъ, что на него ничего не купишь, бросить въ карманъ. Но это было только внешне.

Парижъ подметал дворы какъ самый обычный дворникъ, зарабатывая себе на жизнь. Это было въ серединѣ августа позапрошлаго года, когда начался никемъ не ожидавшiйся сезонъ дождей. Онъ былъ влюбленъ въ одну девушку и, какъ ему казалось, взаимно. Они целовались на набережной по вечерамъ, а поутру просыпались въ разныхъ постеляхъ. Обычная влюбленная

пара, которая еще не переступила порог воздушной романтики – красных роз с красивыми словами внутри, неожиданных сюрпризов и исполнения кокетливых капризов возлюбленной. Чем он зарабатывал себе на жизнь, она не интересовалась, и это было ему по душе.

Черный кабриолет, что удивительно – не красный, не белый, а строгого мужского цвета, – был мечтой ее детства. Такого красавца они видели каждый день, возвращаясь с прогулок, и каждый раз ее восторг разделял с ней и он. А днем он подметал дворы, наверное, ни на минуту не забывая вечерних порывов любви. Только от резких болей в спине, что так часто тревожили его, он останавливался, стоял и смотрел, улыбаясь, на кабриолет, на мечту всей ее жизни. Хотел бы и он иметь такое счастье, как мечта. Возможно, тогда бы он жил совсем по-другому.

Когда он готовился сделать ей предложение, они уже просыпались на одной узкой кровати и чистили зубы одной щеткой – настолько сближали они свои чувства, что личная гигиена интересовала их уж куда меньше, чем потерянный поутру носок. Страсть... Вспыльчивая и обжигающая, как огонь, оставляющая следы на их телах.

В этот день, как обычно, Париж мел улицы и думал о ней. Вечером, на той самой набережной, он хотел сделать ей предложение и начать новую жизнь. Завести мечту и шагать к ней, держа за руку любимого человека.

В тот же день судьба свела их прямо на улице, которую он

еще не успел domesticate. Она шла со своими подружками, болтая о чем-то, прямо ему навстречу. Сначала она его не видела, а когда заметила, посмотрела ему в глаза. Он глядел на нее с улыбкой, а она в тот момент готова была провалиться сквозь землю от стыда. Девушки прошли мимо него, а он вздохнул с облегчением. На один скелет теперь стало меньше. Видно, это судьба, повторял он себе, заканчивая работу.

После заката он ждал ее с букетом цветов и кольцом в кармане, на том самом месте, где каждый вечер звезды считали их поцелуи. Она пришла вовремя. Грусть в глазах. Она была чем-то расстроена.

Опустившись на колени, он поцеловал ее руку и признался в любви, сделав ей предложение. Красивая картина. Напротив стоял тот самый кабриолет, что был ее мечтой, и он, нищий дворник, который предлагал ей свое сердце и свою бедность. Она смотрела то на него, то на автомобиль.

Что она ему ответила?

– Нам не по пути. Прости, если сможешь... И заberi, пожалуйста, кольцо.

Она ушла. Бросив кольцо под ноги, он встал и направился к тому самому красавцу – черному кабриолету ее мечты. Сев за руль, не спеша поехал за ней, но она его не заметила. Она совсем ничего не замечала, утонув в своих глубоких мыслях.

– Я купил его в день нашей встречи, – донеслось справа от нее.

Она застыла на месте, когда слышала эти слова.

– Досадно и жаль: твоя мечта оказалась дешевле... За нее я заплатил деньги, а за тебя – самым ценным, что у меня было.

Ничего не понимая, она стояла, как статуя, и смотрела, но не видела. Она его слушала, но совсем не слышала. Тот нищий дворник сидел за рулем ее мечты. Возможно, она подумала, что это сон.

– В одном ты оказалась права, – с растерянной улыбкой продолжил Париж. – Нам действительно с тобой не по пути, – закончил он, со всей силы давя педаль газа...

Прошло три недели, как он встретил Парижа на своем пути. Тот по-прежнему мел улицу, в тех самых старых джинсах и затертом до дыр сером свитере. Его волновал только один вопрос, который он и задал парню:

– Разве с каждым днем мусора не становится все меньше?

– Да. Но только не на этой улице...

После этого ответа он понял, кто перед ним стоял и как Парижу удалось в этой жизни стать тем, кто он есть. Больше у него вопросов не было. Одно восхищение.

* * *

Только что вышедшая из ванны Роза – без одежды – была еще прекраснее... Рассыпавшиеся по плечам мокрые волосы, оголенная грудь и глаза цвета кофе. Кофейные... Вот

только сейчас ее интересовало что-то покрепче. Что-то поглубже банальных слов и поглубже увиденных снов... Что-то с ароматом безумия. С тем запахом, что сводит с ума: закатывая глаза, выгибая талию... до судорог... и уносит далеко, туда, где нет постели. Где только дыхание напоминает о времени, которого нет и быть не может в эти минуты. Громкая тишина. Бешеное биение сердца. Не чувствуя укусов, царапин, не слыша крика... извивы тела... До конца.

Еще минут десять Роза не могла прийти в себя, отойти от возбуждения в каждой клетке. И в квартире пустой – одна, будто запертая в клетке с собой. Роза... Очнись! Роза... Открой глаза! Роза...

Без сознания она пролежала больше трех часов. Игла в левой руке... Она пришла в чувство и, вытащив иглу, бросила ее на пол. Подошла к зеркалу и, осмотрев всю себя, наигранно улыбнулась. Смеялась безумно в очередном порыве, не отводя глаз от своего отражения. А может, ей нравилось так – играть? В большом зале пустых стульев и неслышанных аплодисментов. Актриса... Ее главная роль. Вот только нет антракта в этом театре. А после титров не несут на руках, а уносят. И за черными шторами нет белых полос и каштановых волос. Там, за шторами...

День первый «Суп»

«То, что она решила остаться у меня, было не так странно, как опасно. Не скажу, что я боялся ее присутствия, но некий дискомфорт постоянно испытывал. Наблюдал за каждым ее шагом и передвижением, и мне казалось, что ничем хорошим это не закончится. И, как всегда, я оказался прав... Разбитая рамка. В ее руках все становилось потенциальной бомбой. Но, благо господнее, что она еще не добралась до книг на полках, которые непременно превратились бы в безвинные жертвы ее насилия.

Мало того, что это хрупкое беззащитное божье создание не умело готовить, так ей еще не понравился мой суп. Он был для нее слишком постным. Такая наглость выходила за грани всех рамок, разбитых и еще уцелевших. Первая моя мысль была – надеть тарелку прямо ей на голову, но эта мысль так и осталась блуждать в моей вскипевшей голове. В ответ я просто промолчал и попытался насладиться своим творением. Шедевром. Все, что я готовил, всегда было для меня самым вкусным и изысканным. Ни одно ресторанное блюдо не могло превзойти моих стараний, и всегда я оценивал это по достоинству. Но в этот раз продлилось мое наслаждение недолго... После слов «Я сейчас закажу нам пиццу!» я чуть не подавился. Конечно, я могу понять, возможно, она привыкла

так питаться и, скорее всего, от этого я чуть не надорвал себе спину, когда нес на руках ее в тот вечер, но мысль про тарелку на голове все еще оставалась актуальной и возгоралась во мне со скоростью света. Взяв себя в руки после испорченного аппетита, я уже думал, как бы так все обставить, чтобы появляться здесь она больше не захотела даже в самом кошмарном сне.

Пока она заказывала пиццу, я вызвал такси. Не прошло и вечности, как появилось и первое, и второе, с разницей буквально в пару минут. Это совпадение мне было только на руку: как все прекрасно и вовремя.

Я вышел на улицу, но не успел насладиться первой затяжкой дыма, как она забрала портмоне из моих рук. Расплатившись за пиццу, она отправила этого парня-доставщика в такси со словами: «Видите, какой у меня заботливый и щедрый мужчина? Пожелал, чтобы обратно вас отвезли на такси, в благодарность за вашу бесподобную пиццу». Затем она направилась ко мне и поцеловала в щеку со словами «Пойдем, мой герой». После этих слов я понял, что она не так проста, как показалось на первый взгляд. И палец ей в рот не клади. Вот она...

Женщина...»

Роза была полностью поглощена книгой, сидя на кухне в белом халате. Ее не отвлекали вечные стуки соседей, и только подкуривая новую сигарету, она на доли секунды возвра-

щалась в эту квартиру, чтобы снова ее покинуть. Удивительно, как строки натягивали тонкие струны ее души. Улыбка, удивление, умиление... Каких только эмоций не скрывало ее лицо! Она была погружена в самую бездну этой маленькой книжечки и с каждой страницей все больше и сильнее жаждала в ней утонуть. Только звук чайника ненадолго отвлек ее... Она аккуратно наливала себе кофе, но ее мысли по-прежнему простирались куда дальше этой маленькой кухни и были куда вкуснее ее горячего латте.

День второй «Свои порядки»

«...То, что ее сумка продолжала лежать на моем рабочем столе, равно как и она сама на моей кровати – было только вопросом времени. Не я затеял эту игру. Ну, что же, посмотрим, сколько ты здесь продержишься. Впрочем, уходить она явно не собиралась – это можно было заметить по ее нижнему белью, а точнее, по отсутствию всего, кроме него. Только глаза. Такие невинные и одновременно хитрые. Подобных ей женщин мне еще встречать не доводилось, и поэтому я натягивал улыбку как можно добродушнее и молча принимал ее условия.

Готовить для нее, разумеется, я не стал, предложив ей сходить в кафе на соседнем углу, в сопровождении ее невидимого друга. Нет, конечно, так я тогда не сказал, но подумал именно так. Но она вежливо отказалась питаться вне дома. Боже, какого ангела небесного ты мне спустил на землю бо-сиком! А крылья, видимо, сгорели, как и ее тосты поутру.

Звон бьющейся посуды разбудил меня не хуже будильника, но вскакивать с постели я не стал, а, напротив, перевернулся на другой бок и вознамерился снова уснуть. Но, как оказалось, ненадолго. Резкий грохот... Встав и натянув на себя белую майку, я направился в кухню. Картина была следующая: три разбитых тарелки, перевернутый стол и все, что

на нем было. Благо ножи были спрятаны: в тот момент, кроме них, я думать ни о чем больше не мог.

— К счастью, — невинно сказала она, собирая фаянсовые осколки.

— И тебе доброе утро, — натянув улыбку, ответил я.

В тот момент мне уже было не важно, что она существо слабого пола. Я готов был пойти на любые меры, чтобы это «счастье» в моей квартире никогда больше не появлялось. Но с выдохом я отпустил дурные мысли и решил помочь ей, пока она полностью не разгромила мне кухню. Каким образом она перевернула стол, я спрашивать не стал. Держать себя в руках становилось все труднее, а ей, как мне показалось, легче. Это временно, это всего лишь временно, повторял я себе, собирая мелкие кусочки бывших чашек и тарелок. Медленно и глубоко дыша носом, я восстанавливал свою психику — до этого дня я даже слова такого не употреблял, а теперь можно смело садиться на таблетки от нервного срыва. Но она все-таки решилась добить.

— Дорогой, я только хотела накрасить ногти, — безобидно и спокойно начала она. — Только я села поудобнее и положила на стол свои ножи, как он...

Она не успела закончить, на свое же счастье. В таком гневе я себя еще не помнил... Из моего кулака, в котором был сжат осколок, между побелевших от напряжения пальцев засочились красные струйки. Но это меня беспокоило меньше всего. Ни боли, ни шока я почти не ощущал.

– Ты красила ногти на ногах... на этом столе? – сквозь зубы процедил я.

– Извини, я так привыкла и не хотела, чтобы так получилось... Извини! – в слезах, виновато закончила она.

Актриса из нее еще та. Как ее до сих пор носит на этом свете, ума не приложу! Где же ты, кирпич, когда ты так нужен голове? Выбежав из кухни, она юркнула в спальню, оставив меня наедине с этим...

На кухонный стол, на котором я каждый день принимал пищу, она клала свои ноги. Сколько матерных слов я вспомнил в тот момент! Забинтовав руку и приведя все в порядок – хотя какой там порядок! – я приходил в себя, в спокойное состояние, если это можно было так назвать. Это только второй день, а чувствую, что лечиться мне нужно будет месяца два, как минимум, после такого, мягко говоря, стресса.

Я зашел в спальню. Она сделала вид, что не заметила меня. Все-таки не уберег я свои книги, она добралась и до них. Я выдохнул... а на вдохе попытался начать разговор.

– Не забывай, что ты в моей квартире, и будь добра соблюдать мои порядки, – спокойно, но твердо начал я.

Она пересматривала книги, даже не повернув голову в мою сторону. Но, тем не менее, я продолжил:

– Во-первых, никаких «красить ногти на столе». Только не в моей квартире. В ванной комнате – пожалуйста, но не за ее пределами. Да, кстати, моей бритвой не брить ноги, другие места и даже усы, если они вдруг начнут расти. С этим

вопросом уяснили, — твердо закончил я.

— Во-вторых, не нравится моя еда — учись готовить сама или иди в заведения общественного питания, но никакой пиццы в моей квартире. Никогда. И к кухне не подходи, даже если нужно будет заварить чай или кофе. Я все сделаю сам.

— И, в-третьих... — не успел закончить я, как она меня перебила:

— Извини, дорогой, ты что-то говорил? Я так увлеклась этой книгой, что все прослушала, — с некой обидой и радостью в глазах сказала она. Затем добавила: — Ты что-то говорил про чай и кофе... Сделай мне кофе, только не на свой вкус. Эспresso с двумя ложками сахара, пожалуйста».

День третий «Дьявол»

«То, что в моей квартире находился Сатана в женском обличье, никаких сомнений больше не вызывало. Да, не спорю: грешен и я, как и миллионы людей на этой планете, но в самом разгаре своей жизни встретить дьявола... В чем же нужно было так согрешить?

Я не то чтобы боялся оставлять ее одну в своей спальне, которая уже третий день была в ее владении, я даже чихнуть ей без моего присмотра позволить не мог. Каждый ее шаг – как по минному полю. Слепой сапер, по-другому и не назовешь это милое создание. Проклиная тот июльский вечер, я уже боялся покидать квартиру даже на пару минут. Чего от нее ожидать? Явно не походов по воде с криками «Аллилуйя!».

В этот раз все произошло внезапно... Страшнее было ожидание беды, чем она сама. Особенно когда эта «беда» поселилась в твоей спальне. Я, как обычно, принимал теплый утренний душ, закрыв глаза на то, что все в ванной комнате уже было обставлено ее кремами, гелями и прочей женской... Сигаретный дым проник даже через плотно закрытую дверь ванной комнаты. Обмотав себя полотенцем, я выбежал и застал следующее: вся квартира была пропитана табачным дымом, а она, как ни в чем не бывало, лежала на

кровати и сбрасывала пепел в мою любимую маленькую чашечку, из которой я каждое утро наслаждался кофе.

– Твою мать! – не сдержав эмоций, вскрикнул я.

Мало того, что она убила мне больше нервных клеток за эти три дня, чем кто-либо за всю мою жизнь, так она еще решила добить меня инфарктом.

– Ты что творишь? – совладать с собой я уже был не в силах.

Вырвав из ее рук сигарету и потушив ее в чашке, я открыл балкон и в гневе выбросил чашку вниз. Свежий воздух проветривал квартиру, и от этого становилось прохладно. Из всех сил игнорируя ее присутствие, я направился в гостиную, чтобы одеться и выпроводить ее без всяких церемоний. Все, спектакль окончен. Такого я больше не потерплю.

На ходу она сорвала с меня полотенце, и я остался перед ней в чем мать родила. Стыд? Нет, к большому удивлению, стыдно мне не было. Она смотрела то на мне в глаза, то опускала глаза ниже. В ее взгляде не было интереса, во всяком случае, я этого не заметил. В них было что-то другое...

– Никогда не видела голого мужчину? Так вот я, просвещайся, – даже не собираясь поднимать полотенце, сказал я.

– Мужчину видела, а мальчика с величием бога – нет.

То, что я эгоист, я знал и без нее, но величать себя богом – это уж слишком.

– Ты закончила? – с насмешкой спросил я.

– Нет! – отрезала она. – У тебя на среднем пальце пер-

стенъ, — она взяла мою руку и с интересом стала осматривать мой перстень.

— Белое золото, — уверенно сказала она.

От ее слов у меня участилось сердцебиение и дыхание стало неровным, она повергла меня в шок. Но показывать это я не стал, никак не отреагировав в ответ. Как? Как она могла попасть прямо в точку? Белое золото очень похоже на серебро, платину или простое железо, которое можно купить за пару долларов в любом переходе.

— Так интересно... Ты живешь в дешевой квартире, носишь дешевую одежду и пытаешься за всем этим скрыть дорогое. Нет, я бы даже сказала, ценное. Ведь ты не такой на самом деле, просто... — не успела закончить она, как я ее перебил:

— Это кусок железа, и не более того. И я такой, каков я есть.

Нужно было заканчивать этот диалог, ведь она действительно начала рыть в нужном направлении, и рано или поздно она бы докопалась.

— Мои серьги. Как ты думаешь?..

— Серебро и парочка мелких стекляшек. Ничего ценного, — убежденно заявил я.

То, что эти сережки не за девяносто долларов из перехода, я был уверен без всяких сомнений. Она была весьма прилично одета, вполне грамотно рассуждала. Но я бы не удивился, если бы продавец уверил ее в том, что камни в её серьгах —

настоящие бриллианты. Да, это бы еще больше «строило» ее самооценку. Пожалуй, все так и было.

– Не угадал. Платина. И «стекляшки» эти – боюсь, не смогу тебя удивить... Бриллианты! – улыбаясь, ответила она, и по ее ехидно-радостному лицу я понял, что верить ей не стану.

Не ожидая ответа, она бросилась на меня и повалила на кровать. Я лежал на спине, а она на мне. И смотрела в глаза, а затем на губы. Это можно было назвать игрой: кто сделает первый шаг навстречу вовсе не ветру, а другому, что имело свой запах и вкус. Я отвечал ей взаимностью, глядя в глаза, а затем на губы. Но резкий прилив, который она просто не могла не почувствовать, заставил меня сделать этот шаг...

Дело вовсе не в сексе, хотя кого я обманываю? В тот момент, а затем еще и еще, с небольшими перерывами, все дело было в нем, и только. Ее тело пахло мной, а это возбуждало еще сильнее и на дольше. Обычный секс, что имел необычную страсть и желание. Давно у меня такого не было.

В комнате стало совсем холодно, балкон так и оставался открытым, но мы, потные, этого не чувствовали. Только когда за окном стемнело, обессиленный и насытившийся по самое не могу, я встал и, выйдя на балкон, закурил. День сегодня был насыщенный, как и вечер. Надеюсь, ночь будет спокойной. Я хотел спать, как никогда раньше, лечь и сразу глубоко уснуть: приятная усталость была лучшим снотворным во все времена.

Наутро меня ожидал сюрприз...»

День четвертый

«Сюрприз»

«К большому удивлению, в это утро меня разбудил не грохот разбитых тарелок, не шум улицы за открытым балконом и даже не будильник. Запах... Но не вонь подгоревших тостов или яичницы с беконом, а приятный запах, пробуждающий аппетит. Зайдя на кухню, я не поверил своим глазам. Сначала я подумал, что это сон, и это бы все объяснило, но, ущипнув себя за левую руку, я убедился, что она в моей синей рубашке – это явь. На столе стояло только приготовленное мясо по-французски, его запах вызывал аппетит, и выглядело все достаточно изысканно. Две чистые тарелки, возле каждой – вилка и нож, два бокала и бутылка сухого вина, а на середине стола стояло ее главное блюдо. Мягко говоря, я был крайне удивлен.

– Доброе утро, – сказала она, увидев в моих глазах растерянность и отрицание происходящего.

Ответить ей в этот момент я не мог, активно размышляя над тем, что слишком уж все настоящее, чтобы оказаться реальностью.

Пощечины от этой хрупкой ручонки я, конечно, не ожидал. Но пришел в себя моментально, и ее действия не оказались напрасными.

– Ну, как ты, проснулся? – глядя мне в глаза, спросила

она, а затем добавила: – Или еще раз тебя взбодрить?

– Нет, все в порядке. Благодарю, – жизнерадостно ответил я, чтобы не получить от нее очередной порции нежности.

Значит, вот как. Готовить она умеет и, судя по виду и запаху, достаточно хорошо. Какие еще сюрпризы меня ожидают?

– Ты никогда не сталкивался с женщинами? – спросила она, смотря на меня удивленными глазами.

Сталкивался ли я с женщинами? Хороший вопрос. Сталкивался пару раз в метро или общественном транспорте, но там все друг друга толкают, особенно в час пик.

– Нет, – серьезно ответил я.

– Врать у тебя получается намного хуже, чем готовить, – с улыбкой заявила она.

Если она знала ответ, то зачем тогда спрашивала? Женщина...

– Переступившие порог твоей квартиры, наверное, и дня не продержались в ней. Бедные девушки, – с насмешкой продолжила она.

«Почему же? Два дня – рекорд, хотя признаю, ты его побила и, я бы даже сказал, растоптала», – про себя ответил я ей. Но вслух этого комплимента она от меня не дожидается.

– Давай завтракать, пока не остыло. Не терпится оценить твои старания...»

За окном уже было темно, но даже тусклый свет лампочки

не мог оторвать Розу от этой книги. Только посмотрев на часы, она заметила, что выкурила почти пачку своих крепких Lucky Strike. За день, кроме чашки выпитого кофе, она ничего не съела, но и голода не ощущала. Это было из-за сигарет, любой курильщик знает: чем больше куришь, тем меньше аппетит.

Закрыв книгу, она направилась в ванную, чтобы расслабиться в теплой воде и, как ребенок, сдуть с себя пену. Но, как оказалось, просто так отойти от книги она не смогла, все ее мысли были погружены в нее, и никакой слой воды не в силах был смыть эти мысли.

Уснуть Роза смогла только под утро...

* * *

Утро... Приходит ко всем одинаково, но у всех разное. Точное, как стрелки часов, для одного – прекрасное, смешливое и суетливое, а другой даже цвет его не рассмотрит. Для одних это утро первое, для других, увы, последнее...

Так устроен механизм. И его запчасти всегда верны и глухи, как старые настенные часы.

«Шесть двадцать девять», – взглянув на часы, сказал про себя тот, чье имя не было известно Розе. Это утро он ждал два долгих и мучительных года, представляя каждую минуту этот момент. Ежедневно вел немые монологи, и, наконец, время пришло. Он был готов и решителен, без всякого со-

мнения и страха. Пора...

Искать долго не пришлось. Париж, как обычно, мел улицы на углу соседнего дома. В тех самых старых джинсах и сером свитере. Наблюдая за ним, невозможно было не заметить, что работал он увлеченно и чисто, не оставляя после себя следов.

Ледяной ствол револьвера уперся прямо в его затылок, только после этого Париж застыл на месте. Конечно, он слышал тихие шаги сзади и эту ситуацию мог предотвратить еще до ее начала, но...

– Намного страшнее ожидание, чем сама смерть, – обреченно, но спокойно сказал Париж.

– Ты боишься смерти?

– Не больше, чем ты меня, – заявил Париж тому, в чьих руках находилась его жизнь. Затем добавил: – Убить человека не так просто, особенно глядя ему в глаза.

– Медленно повернись лицом ко мне, я удостою тебя такой чести.

Париж обернулся, и теперь ствол касался его лба. Сказать, что им овладел страх, было бы ложью. Ни страха, ни паники, только расширенные зрачки выдавали его учащенное сердцебиение. Дыхание оставалось ровным.

– Пустые глаза наполняются жизнью. Забавное зрелище, – улыбаясь, сказал он.

Париж и правда прокручивал моменты своей жизни, осознавая, что вернуть то или иное он уже не в силах. В тот мо-

мент он бы отдал все свое состояние, чтобы этот день наступил позже. День расплаты, который тяжелым грузом он носил все эти годы, прекрасно понимая, что этого дня не избежать никак. Ни капли сожаления, ни слез отчаяния... Он был готов.

– Чувствуешь вкус этих секунд, ценишь последние вдохи, но при этом остаешься собой. Вот что всегда восхищало в тебе, Париж...

– Стреляй! – процедил он сквозь зубы своему убийце, не отводя от него глаз.

Его рука даже не вздрогнула, нажав на курок. Громкий хлопок...

Париж упал на колени, подавившись воздухом. Задышавшись, он начал кашлять, будто проглотил огромный ком. Только в эти минуты он почувствовал дикий страх и нечеловеческую панику. В то время как его собеседник уже отдалялся от него, ускорив шаг, и, зайдя за угол соседнего дома, вовсе исчез из вида.

– Зачем? – громко прохрипел Париж, вызвав тем самым еще больший кашель.

Слезы наворачивались на его глаза. Он остался жив, глядя в лицо смерти. Попрощавшись с жизнью и не цепляясь за надежду, он был готов уйти. Вот только время его еще не пришло. Блеф...

Зайдя в квартиру, он положил револьвер на стол. Только

ему было известно, что патронов в нем не было, и только он прекрасно знал, что подарил человеку жизнь, которая не стоила и цента.

Когда тебя коснулась смерть своей холодной ладонью, ты начинаешь видеть то, чего раньше не мог видеть, чувствовать... От капли росы поутру и до холодного дождя, под которым тебе становится тепло. Только смерть может научить человека жить. Как ребенка учат ходить в первые годы, так и взрослый, переосмыслив прожитое, начинает идти по-другому, неведомому раньше пути. Каждая мелочь приносит радость, каждая неудача так и остается неудачей, но уже не камнем, о который можно споткнуться. А если и упал, то появится повод встать. В чем же познают радость, как не в печали? Кто не умирал, тот и не жил вовсе...

Картины смотрели на него, а он прятал револьвер, которым сегодня показал человеку жизнь. Жестокому человеку, в котором если и оставались клавиши чувств, то его пиано давно было сломано и растоптано им же самим. Он восхищался им как художник, как человек – он его ненавидел. Картины вокруг... Темные глаза, как и волосы. Глаза женщины, которую он любил больше жизни. Сухие губы, недоцелованные и потрескавшиеся от ветра... Он мог до них дотронуться и, водя по ним рукой, ощущать, как бьется ее сердце. Немые губы, которые он целовал, аккуратно прикоснувшись к своему шедевр. Капля за каплей скользила по контурам, каждый день высыхая, но горький вкус этих губ постоянно

обжигал его... Темные глаза, в которые он смотрел темной ночью, были светлее звезд, тех самых звезд, что однажды его предали.

Карандаш. Одиночество. Мрак...

«Эти первые дни были особенными. Нет, не потому, что мы загорались в постели и в своих ярких вспышках теряли рассудок. Просто не было причин смотреть на календарь, не было желания следить за временем. Все как будто остановилось в один момент. Выключить свет, отключить мир и смотреть в глаза. Незнанные... Мне это нравилось. Я никогда не испытывал подобных чувств к женщине. Больше, чем увлеченность, но меньше, чем привязанность...

То, что люди называли любовью, я всегда называл мусором. Обещания, клятвы, все эти нежности – от дорогих подарков до дешевой банальности. А потом – детей растить, крики, ссоры, бытовые радости. Слезы, измены, чувство вины... То, что остается в итоге, так неизбежно. В лучшем случае – обоюдная привязанность на фоне взаимопонимания и чувства ответственности за детей. В худшем случае – жалость, неразделенность, обиды. И это все вы называете любовью? Я бы язык отрезал тому, кто придумал это слово, и заставил бы его же проглотить.

Чувство собственности. И не более того... Как вещи: сначала их покупают, потом их донанивают другие, а затем их выбрасывают. Я не возьмусь сказать за всех, но скажу за се-

бья: любой человек – собственник, кем бы он ни был и что бы он ни говорил. Но вот в чем парадокс: не всегда свою «собственность» можно удержать, и, как ни горько признавать, любой собственник – это всегда чья-то собственность. Вот в чем главный фокус!»

Последняя мысль автора не понравилась Розе, и более того, она начала спорить сама с собой, доказывая обратное. Она перелистнула эту страницу от осознания бесполезности спора и углубилась в дальнейшее повествование.

То, что она не появлялась в кофейне уже третий день, видимо, меньше всего волновало ее сейчас. Но женское любопытство взяло вверх над ее мыслями, и она начала думать о нем. Как красиво она ушла в тот день... Гордой походкой и с пламенным поцелуем на прощание. Интересно, ждет ли он ее?

«Когда она заявила мне, что я дурак, я понял, что она вовсе не дура. И никогда ею не была, в любом случае, на протяжении совместного мучительства – точно. Что в ней привлекало больше всего, так это пальцы. Начиная с того, как они держали сигарету, и заканчивая сплетением в моей руке. Они были какими-то особенными – тонкие и холодные, но до жара привлекательные, наигранные, или это было что-то большее... Тяжело объяснить словами состояние, когда пальцы человека намного приятнее и чувственнее, чем сам человек. На седьмой день я их поцеловал – к горю своему,

так как на восьмой день я пробудил в ней тему «любви».

– Каждая женщина желает быть любимой, – мечтательно начала она.

– А мне казалось, что каждая женщина мечтает, чтобы у ее мужчины носки не воняли. Ну, и крышку унитаза не забывал поднимать, – улыбнулся я.

Она повернулась ко мне и посмотрела как на идиота. О да. Этот взгляд не спутаешь ни с чем.

– Ты никогда не любил? Не целовал нежно плечи, держа ее за талию, шею?.. Не целовал руки, стоя на коленях, а на ее колени положив свою голову? Ты никогда не просыпался с мыслью, что ее может не быть рядом? Представляешь, просто не быть. Ты никогда...

– Хватит! – со злостью отрезал я.

– Так и женщина нуждается в любви не меньше, чем мужчина нуждается в ней, – сказала она слегка огорченно.

– Вот уйду я, и ты останешься как раньше, один в своей квартирке, наедине со своими книгами, фотографиями. Наедине с собой. Ах да, я забыла совсем – и супом своим изысканным. Вечерами будешь сидеть в парке и курить свои сигареты, думать, чего тебе в этой жизни не хватает. Потом приходить домой, включать свет, и кругом пустота. Все на своих местах будет лежать, вот только ты себе места находить не будешь.

– Уходи, – спокойно ответил я.

Она умеет блефовать – это ее главный козырь. Садиться с

ней за один стол, даже с фулл-хаусом на руках, я бы не стал. Но это не игра, и мы в ней не карты.

– Ты так же уверен, что я не уйду, как я уверена в том, что проснешься ты завтра один и станешь меня ненавидеть за то, что ворвалась в твою жизнь, чтобы просто и тихо из нее сбежать.

Когда она закончила, мне стало не по себе. Я не знал, что ей ответить. Бывают моменты, когда слова пустеют. Дождь на душе, а за окном – солнце...

– Я надеюсь, ты это серьезно, потому что снаружи ты эту дверь больше не откроешь, закрыв ее однажды за собой, – улыбаясь, сказал я после длительной паузы. В своей улыбке я проглотил три горьких кома, в своих словах я не нашел решительности.

Она промолчала.

Наутро я проснулся один в своей белой майке...»

Вставать с кровати Роза даже и не думала, хотя на часах уже было без десяти два, и укуталась потеплее. Ее мучил вопрос: закурить прямо в постели или пойти и заварить кофе? Последняя мысль ее резко взбодрила, и она, застегнув лифчик, направилась в кухню. Сонная, с нелепой прической на голове, Роза была больше похожа на кактус, что стоял у нее на подоконнике. Достав из пачки две сигареты, одну она положила как закладку между страниц, а вторую закурила. Приоткрыв немного окно, достала пепельницу из верхнего

шкафчика и поставила ее на стол. Загудел чайник. На кухне было прохладно, и она надела свой белый халат. Налив в чашечку кофе и усевшись поудобнее на стул, Роза вновь погрузилась в книгу.

«Ненавидел ли я ее? Нет. Скорее, еще больше был очарован ее решительностью и стойкостью характера. Ну и, конечно же, первым делом я закрыл дверь изнутри. Сказано – сделано. Если бы даже она вернулась, в чем я сильно сомневаюсь, я бы ее все равно не впустил. Итак, что мы имеем, кроме убитых нервных клеток и двухдневной щетины? Белый бюстгальтер третьего размера, хотя природа наградила ее вторым. В ванной все ее вещи так и оставались на своих местах. Даже кремы особого назначения – для разных зон, как она мне объясняла, – не забрала. Я уже подумал, что она с ума сошла, оставив мне все эти «драгоценности». И как я без них раньше обходился? Аккуратно сложил все ее вещи в самое надежное для них место – мусорный пакет и вынес в бак на улицу. И неожиданно заметил пропажу. Перстень. Я носил его на среднем пальце не снимая с тех пор, как мне его подарили. Черт возьми, она забрала мой перстень! О, как я был взбешен! В голове моей родилось сразу два вопроса. Первый: каким образом она смогла его снять, чтобы я не почувствовал? Это же почти нереально. И второй: где теперь мне искать это восьмое чудо света?

Главная проблема мужчины – это женщина. А когда она

еще и умная – это уже его беда...»

Спустя несколько дней «Гости»

«Обычное утро, самые обычные сигаретные затяжки на фоне автомобилей и утренней суеты. На балконе прохладно и немного сыро. Ветрено. Надев свитер, я отправился готовить завтрак. Крепкий чай и яичница с беконом – вот мое утреннее меню. Как только я взял щепотку соли, чтобы посолить яичницу, раздался звонок в дверь.

Посмотрев в глазок, я не увидел никого на лестничной клетке. Возможно, детишки из соседних квартир балуются, такое явление встречается нередко. Особенно когда напротив твоей квартиры живет семья с тремя детьми. И как они только не посходили с ума в своей маленькой двушке? Ну ладно, это уже их проблемы, а у меня завтрак стынет. Только я отошел от двери на два шага, как раздался еще один звонок. Ну, ребята, сейчас я с вами проведу воспитательную беседу! Открыл дверь, и прямо с порога – удар в нос! Такого поворота я не ожидал и, само собой, не был готов. Теплая кровь потекла к губам... Передо мной стояли двое мужчин тридцати – тридцати пяти лет, почти моего роста – пожалуй, это было моим главным преимуществом. Тот, что разбил мне нос, был слева, и первым делом я швырнул всю щепотку соли ему в глаза. Пока первый вопил и протирал слезившиеся глаза, второй направился ко мне, но не успел

сделать и шага, как я ударил ногой в его коленную чашечку, а затем, сделав шаг вперед, крепко приложил в солнечное сплетение. Первый отделался легким ударом в печень. Не нужно быть мастером боевых искусств, чтобы знать самые болезненные точки на теле человека. Вытолкнув за порог этих несчастных, я пошел искать лед, чтобы остановить кровотечение. Я ждал чего угодно: звонков и громкого стука в дверь, матерных слов, но только не тишины. А это меня больше всего и пугало. Тишина... Когда я посмотрел в глазок, их уже не было, но плохое предчувствие не оставляло ни на минуту. Выбросив недосоленную яичницу в мусорную корзину, я сидел и думал, кому же я успел перейти дорогу».

Вечер того же дня

22:45

«В этот день я решил лечь пораньше, чтобы хорошо выспаться и бодрым пойти на работу. Ровно в десять я, выключив свет, отключил и себя, но, как оказалось, ненадолго... Звонок в дверь. Проснувшись, я не сразу понял, в чем дело, но настойчивая трель привела меня в чувство. Первая мысль: те двое отморозков вернулись, прихватив с собой еще пару человек, и поэтому торопиться вставать я не стал. Овладел ли мной страх или это пальцы ног начали мерзнуть под одеялом, я так и не понял. Звонки прекратились, но чувство беды не покидало меня ни на минуту. Мое дурное предчувствие, как оказалось, было не напрасным: в дверь начали стучать. Громко стучать. Ничего, в этот раз я уже был готов. Прихватив с собой травматический пистолет с верхней полки шкафа, пылившийся там уже больше трех лет, я прекрасно осознавал, что магазин в нем пуст и пользы от него, как от детского автомата, вот только им это знать ни к чему. В глазок я смотреть не стал. Резко открыв дверь, я отошел на два шага назад, чтобы держать под прицелом всю лестничную площадку. Я ожидал там увидеть кого угодно, но только не ее. Быстро спрятав пистолет за спину, я начал прокручивать в голове нелепые объяснения тому, что ей пришлось увидеть. Как щелчок в голове: кому и что я должен объяснять? Чело-

веку, который мало того что сбежал три дня назад, так еще и забрал мой перстень! Бесценную для меня вещь.

– Это что сейчас было? – находясь в шоковом состоянии, спросила она.

Я проигнорировал ее вопрос, так как волновало меня лишь одно:

– Где мой перстень?

– Он у меня и будет до того времени, пока ты не засунешь свое эго в одно место и будешь думать не только о себе, – заявила она со злостью.

Смех... Простите, мне стало настолько смешно от ее слов, что даже слезы наворачивались на глаза. Если этот человек не ошибся адресом и из глубины души произнес эту воспламеняющую сердце речь, от которой я даже пустил скупую мужскую слезу, то талант ее пропадает зря.

– Отдай мою вещь и скатертью тебе дорога, бриллиантовая моя, – немного успокоившись, ответил ей я.

Удар коленом в пах. Невыносимая боль... Оттолкнув меня, она направилась в спальню, не закрыв за собой дверь. Минуты две оттуда доносился грохот. Казалось, что там было все разбито. Раздавлено всмятку. Я продолжал смеяться, только уже намного громче...

Что значил ее поздний визит и что ей от меня нужно, я тогда выяснять не стал. Спрятав пистолет в шкаф, я умылся и уснул на диване в гостиной. Утром все выяснится. Но то,

что эта женщина куда опаснее тех двух отморожков, я был уверен на все свои целых два...

– Прости, я не сильно тебя вчера ударила? – с сожалением тихо спросила она.

Я слышал, как она подошла, но сделал вид, что еще сплю. Мало ли что ей стукнет в голову на этот раз. А уж эти ее «стуки» могут довести если не до инфаркта, так до инвалидной коляски. Еще этот голос... Либо она хорошая актриса, либо я схожу с ума. Еще вчера в ней было столько злости, агрессии, а сегодня это невинное хрупкое создание просит прощения за то, что чуть не лишила меня будущих наследников. Так нежно, с нотками раскаяния.

– Терпимо, – повернувшись к ней, ответил я.

Она улыбнулась и поцеловала меня в лоб, а затем, глядя мне в глаза, начала водить пальцами по щекам. Неопишимо приятное ощущение... Мурашки пробежали по коже. Ее тонкие, чувственные пальцы как струны пробуждали во мне нереально прекрасную мелодию тела. Состояние блаженства... Закрыв тяжелые веки, я уснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.